

ГОРДОСТЬ СОВЕТСКОГО БАЛЕТА

Лукиан в своем «Диалоге о пляске» рассказывает об одном человеке, который посещал представления танцоров, чтобы, вернувшись из театра, сделаться лучше. Уходя со спектакля Галины Улановой, увидев это удивительное воплощение человеческой чистоты, мужества, верности и любви, тоже хочется быть лучше, выше и чище. В искусстве Улановой сочетаются красота танца с возвышающим этическим началом. При этом глубина страстей раскрывается ею с удивительной сдержанностью, целомудренной скромностью. В ней есть мудрое спокойствие, о котором писал Лукиан как о необходимом качестве танца: «когда танцор налагает узду на каждое из душевных движений. Эта сдержанность навсквозь проникает всю пляску, как осияние — все остальные ощущения»...

Ни одной балерине прошлого не приходилось воплощать средствами своего искусства такие сложные, реалистически глубокие характеры, как Мария в «Бахчисарайском фонтане», Корали в «Утраченных иллюзиях», Джульетта. Новые, небывало трудные задачи заставляли Уланову неустанно искать слияния пластической формы хореографического образа с психологическим рисунком роли, и поиски эти привели к тому, что понятия Уланова-танцовщица и Уланова-актриса стали неотделимы.

Именно поэтому, восхищаясь красотой танца Улановой, бываешь потрясен правдой и глубиной ее переживаний. Именно поэтому поэтическая танцовщица стала одной из лучших трагических актрис современности.

Уланова прекрасно чувствует условную природу балетного искусства и никогда не противоречит ей. Но эта условность не мешает ей жить на сцене всей глубиной человеческих чувств, потому что она, как никто другой, умеет обобщать конкретное, поэтизировать жизненное, возвышать реальное, найти идеальное соответствие, безупречную пропорцию жизненного и условного.

Еще одно: все выразительные средства хореографического искусства сочетаются в творчестве Улановой с редкой гармоничностью. Уже в начале ее творческого пути критики писали, что можно назвать актрис, которые владеют отдельными сторонами хореографического мастерства, танцуют или играют не хуже Улановой, но никто не смог достигнуть такой гармонии всех элементов сценического воздействия, такой абсолютной слитности танцевальной техники, музыки, драматической игры, пластической выразительности.

Говоря о классическом балете, мы прежде всего говорим о его основе — классическом танце, и, конечно, искусство Улановой могло расцвести только благодаря ее замечательному владению хореографической техникой.

В рассуждениях о творчестве Улановой возникло новое определение — певучесть, кантиленность танца. Эта особенность исполнительской манеры балерины определилась тем, что Уланова поняла балетную партию не как соединение отдельных композиционных кусков — адажио, вариации, кода и т. д., а как единую роль, с логическим, строго обоснованным развитием пластических монологов, диалогов, реплик и т. п.

Галина Уланова не подчеркивает, не фиксирует акцентов и пауз, она как бы «снимает» концовки сложных технических движений, избегая нарочито эффектной остановки. Она не чеканит движения и позы, ее танец льется легко, отражая тончайшие оттенки настроения, все, даже подчас неуловимые, неосознанные душевные порывы и движения. На первом месте у нее не подчеркнутая четкость, рельефность пластических линий, а их живая, трепетная изменчивость, соединение в естественные, как дыхание, как взволнованная речь, танцевальные монологи и диалоги.

Лист писал, что Шопен исполняемым произведениям часто «сообщал какой-то небывалый колорит...

какие-то пульсирующие вибрации, почти нематериального характера, совсем невесомые»... Эти тончайшие вибрации, эта невесомость, мягкость, поэтическая одухотворенность характерны, мне кажется, и для танца Улановой.

Каждое движение, каждый отдельный прием у артистки необычайно выразительны. Один из критиков очень верно заметил, что Уланова создала своего рода апологию арабеска. Но в том-то и дело, что красота линий знаменитого улановского арабеска возникла в результате поисков образного поэтического смысла позы.

Еще М. Фокин говорил: «Чтобы вернуть танцу его духовную содержательность, надо в нем исходить из жеста, а жест строить на законах естественной выразительности...».

«...и арабеск имеет смысл только тогда, когда он является идеализированным жестом. Это очень ясный жест, стремление в высь, в даль... влечение всего тела... движение всем существом... Если же нет этого движения, если нет жеста, а есть только «поднятая нога», то арабеск становится несносной глупостью».

Вот у Улановой есть этот смысл, и поэтому ее арабеск получает особую, неповторимую прелесть, создает впечатление, что все существо артистки охвачено мечтой, внутренним порывом.

При абсолютной точности, почти «инструментальной» чистоте техники Уланова ни на момент не выпадает из образа, не упускает ни одного психологического нюанса.

Следует сказать еще об одной черте творческого облика Улановой, роднящей ее с такими великими танцовщицами прошлого, как Тальони, Анна Павлова, — это необычайная серьезность, строгость, почти торжественность исполнения. Танцую, Уланова всегда глубоко сосредоточена, кажется, что она все время стремится постигнуть ту гармонию, которая слагает в единое художественное целое сложнейшие движения классического танца. Эта сосредоточенность, благоговейное отношение к своему искусству, эта поглощенность танцем внушает чувство уважения и восторга.

Уланова — актриса, сумевшая на языке классического танца рассказать о судьбе женщин разных эпох, стран и характеров.

И вместе с тем Уланова — истинно русская актриса, развивающая принципы и традиции русской хореографической школы, несущая в своем творчестве высокий гуманизм, сердечность и правду, столь характерные для русского искусства. В танце ее есть что-то от пушкинской просветленности, от чеховской скромности и лаконичности, умения в малом сказать многое. Не потому ли так органично сливается танец Улановой с музыкой Чайковского?

Замечательная классическая танцовщица Уланова — это не только балерина Чайковского, воплощенная Жизели, но и актриса, доказавшая плодотворность и правомерность поисков советского балета, возможность «перевода» на язык танца, понятный каждому, произведений самых великих поэтов, наполненных глубоким философским смыслом, огнем волнующих человеческих страстей и переживаний.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

Галина Уланова в роли Джульетты.

Рис. Н. СОКОЛОВА.